ГЕННАДИЙ БОРТНИКОВ:

Культура — 1999 — 1 — 7 апр. — с. 9

Сожалею, что ждал и надеялся

Как часто в свои юбилейные дни актеры стараются легкомысленно отмахнуться от прошлого, кокетливо утверждая, что все еще впереди. Геннадий БОРТНИКОВ, наоборот, полагает, что в 60 самое время подводить итоги. Шесть лет назад наша беседа с артистом закончилась его фразой: "Хочется осмотреться, передохнуть". Пауза действительно была, но, кажется, завершилась. С той поры Бортников сыграл роль Ганта в антрепризном спектакле "Ричард II" Шекспира. Принял участие в двух совместных программах с Оркестром имени Осипова: "Сказки Пушкина" и "Братья Карамазовы". Возобновил свой знаменитый спектакль "Глазами клоуна" Белля в экспериментальном, кабаретном варианте и играл его в кафе "Ностальжи". Сейчас в театральном агентстве "Композитор" открывает цикл вечеров, посвященных Пушкину, в основу которых легли "Маленькие трагедии". Только что вернулся с гастрольного турне по Уралу, организованного местными властями, где выступал с ретроконцертами. Примечательно, что ни одна из этих работ не связана с Театром имени Моссовета, которому отдано больше тридцати лет жизни и где Бортников до сих пор числится штатным актером. Четыре года назад снят с репертуара спектакль "Кин" – единственный, где был занят артист. С тех пор он на эту сцену не выходил.

– Я тут недавно смотрел по телевизору передачу о презентации книги Ольги Аросевой и очень удивился. Ведущая говорила об уникальном случае в истории русского театра, когда одна из лучших актрис Москвы шесть лет не получала новых ролей. Правда, она играла свой старый репертуар. Я сижу и думаю: у меня случай уникальнее – с 1990 года, когда состоялась премьера "Кин", я не получал не только новой роли, но даже ни одного предложения со стороны театра. Тянул 102 спектакля "Кин", который мне уже стал поперек горла, потому что, объективно говоря, режиссер без любви сделал эту постановку. Когда же ее сняли, мне и доигрывать было нечего.

– Действительно ли не было ни одного предложения, или они вас не устраивали?

– Действительно не было. Правда, наш главный режиссер Павел Осипович Хомский где-то сказал, что я, как и Маргарита Терехова, от многого отказывался. Перед Богом говорю, что нет.

– А может быть, стоило вам самому проявить инициативу?

– Что я и делал, "заваривая" за это время несколько работ. Решил отдать должное Леониду Андрееву и вместе с довольно большой группой наших артистов взял за основу его пьесу "Жизнь Человека", добавив к ней драматическую миниатюру "Реквием". Трудились очень активно, но для театра это была внеплановая работа, артистов стали растаскивать в другие спектакли, и все остановилось.

Два года назад, еще до того, как в помещении нашего театра стали играть "Горе от ума" Олега Меньшикова, я принес сюда очень забавную вещь, которую нашел в архивах графини Евдокии Ростопчиной. Это своеобразное продолжение грибоедовской пьесы. Когда я стал читать, то просто обомлел: написано так лихо, с таким юмором, приличным поэтическим слогом. Кстати, Ростопчина пользовалась в свое время довольно большим уважением в литературных кругах, даже была отмечена Пушкиным. В ее пьесе задействованы знакомые нам персонажи, но повзрослевшие на 25 лет. Почти все объединились в какие-то партии, разделились на западников и славянофилов. Очень смешно все это сделано. Но театр наш как-то нерасторопно ко всему отнесся, дирекция, естественно, заговорила о финансовых трудностях. А было бы любопытно, если б на одной сцене параллельно игрались классическое "Горе от ума" и его "продолжение".

Я предлагал "Генриха IV" Пиранделло. Но не нашлось режиссера, и все опять ушло в песок. Андрей Максимов специально для меня принес в театр свою пьесу "Маскарад маркиза де Сада". И вновь поиски режиссера настолько затянулись, что привели к конфликту между драматургом и дирекцией.

И вот только недавно в планах театра оказалась пьеса Алексея Казанцева "Братья и Лиза", где мне нашлось место. Сейчас довольно активно идут репетиции, ставит спектакль Евгений Лазарев. Роль у меня там очень интересная, вернее, их даже несколько. Мой персонаж играет своих отца и мать, а также себя в разных вариантах: экзотического, нормального и трагического. Это много сил потребует, но, думаю, результат будет любопытным.

– Чем же вы отметите свой юбилей в родном театре?

– А мне никто и не предлагал его здесь праздновать. Более того, я сам обратился с письмом к руководству театра по поводу своего юбилея. Хотелось устроить красивый творческий вечер, где не было бы юбиляра в золоченом кресле, красных папок и высокопарных слов. Но мне в этом было отказано.

– По каким же мотивам?

– Театр имени Моссовета любит проводить подобные вечера в честь своих артистов, но только уже ушедших из жизни. Мне же привели такой аргумент: не в традициях нашего театра устраивать прижизненные чествования, это может подать дурной пример другим артистам. Я ответил: ну хорошо, давайте будем чествовать исключительно покойников. И, кстати, в связи с этим произошел очень бурный разговор между мной, директором и главным режиссером по поводу девяти потерянных лет, со взаимными уколами и упреками.

А тут как раз позвонили мне из Дома актера и сказали: Геннадий Леонидович, вы просто обязаны, по нашей традиции, согласиться на проведение в доме вашего юбилейного вечера. Конечно, я согласился. Тут же раздался звонок из театра: мы решили провести ваш вечер в Доме актера. Я удивился: а при чем здесь вы? Есть Дом актера, и есть Бортников. А в чем ваше участие будет заключаться? Расскажете, что я девять лет был без работы? Мне отвечают, что выйдет, например, Хомский на сцену и скажет обо мне добрые слова. А может быть, было бы уместнее мне в театре добро делать? В общем, я поначалу темпераментно решил пойти на небольшой скандал и написать на пригласительных билетах: Дом актера, без участия руководства Театра имени Моссовета. Но потом прошла бессонная ночь, и я решил, что надо быть мудрее. Кончится все это взаимными упреками, и в результате ущерб будет нанесен обеим сторонам на радость злобствующим элементам.

– Вам не приходило в голову в конце концов обидеться и уйти на все четыре стороны?

– Вот я не знаю, то ли это болезнь моя, ностальгия – этот театр? Ведь так счастливо все здесь начиналось. Замечательное общение с великими артистами, которые живы в моей памяти, я их сейчас воплощаю в живописи. Хотя, прямо скажу, что бытовые проблемы, которые у меня существуют, с помощью театра не решить. Зарплата моя по-прежнему 700 рублей. Никаких надбавок я, естественно, не получаю. Тринадцатой зарплаты меня тоже лишают. А тут не так давно я впервые в жизни обратился за материальной помощью. Знаете, сколько мне выдали? 290 рублей. Так что все это немножко из области моей шизофрении. И я, конечно, отчасти сожалею, что многие годы сидел и ждал, верил и надеялся на лучшее. Слушал разговоры коллег, которые меня успокаивали или, наоборот, подзадоривали. Но, когда слишком активно уговаривают плюнуть на все и уйти, я начинаю сомневаться. Хотя помню, как поступали разные актеры. Тот же Меньшиков, который в свое время появился в этом театре, осмотрелся и понял, что ему здесь не место. Сыграл один спектакль и ушел. А Риту Терехову, наоборот, именно я уговорил вернуться. Посмотрю, что будет дальше, вот пройдет эта юбилейная волна подведения итогов...

Фото Н.ЛОГИНОВОЙ

– Вы как-то сказали, что нормально себя чувствуете лишь тогда, когда можете одновременно проявляться в самых разных творческих аспектах: актерство, живопись, письменный стол.

– Стараюсь все это не оставлять. Недавно мы отметили юбилей Леонида Маркова, моего многолетнего сценического партнера. Вышел буклет, где есть моя статья – попытка его творческого портрета. Другая моя статья вошла в недавно изданный сборник памяти Ростислава Плятта. Я сделал сценическую обработку упоминавшейся пьесы Ростопчиной. Пишу театральные записки – вспоминаю забавные эпизоды, связанные с замечательными артистами. А еще что? Бурную "общественную жизнь" веду. Сейчас готовится Всероссийский творческий конкурс, посвященный юбилею Пушкина. Я там в жюри заседаю. Втянули меня в оргкомитет фестиваля памяти Клавдии Шульженко. Собираюсь устроить выставку своей живописи. Там будет много нового – например эскизы к тем неосуществленным работам, которые я называл. А кое-что мне, в силу обстоятельств, пришлось продать. Все прижизненные портреты Фаины Раневской купили англичане. Сейчас понемножку компенсирую эти потери, пишу заново. Никогда не занимался пейзажами, теперь и этот жанр осваиваю под настроение. А еще надеюсь, что, может быть, когда-нибудь вернусь и на сцену как театральный художник.

И вот любопытная вещь. Несмотря на простои, меня с 1996 года регулярно стали упоминать во всяческих энциклопедиях. Правда, в "Энциклопедии современного искусства" я почему-то попал в категорию режиссеров. Зато Марк Захаров стал актером, а Алла Пугачева – так и вовсе предпринимателем. Забавно, правда?

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА